

ФИЛИМОНОВ
СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

СИГНАЛ

Сергей Филимонов

Сигнал

<https://litres.ru/73915754>

SelfPub; 2026

Аннотация

На орбитальной станции "Байкал" экипаж фиксирует неизвестный сигнал из глубины космоса. В это же время одиннадцатилетний Артем слышит тот же пульс в самодельном приборе, который оставил ему отец перед полетом. Ученые пытаются понять, кто или что выходит на связь.

Теплая, пронзительная повесть о сигнале, который соединяет станцию, Землю и семью, и о тайне, которая начинается среди звезд, а заканчивается там, где ждут. Дома.

Содержание

Глава 1. Прибор	4
Глава 2. Урок	9
Глава 3. Сеанс	12
Глава 4. Ужин до отлета	19
Глава 5. Первый сигнал	22
Глава 6. Звезды	26
Глава 7. Татьяна	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Филимонов

Сигнал

Глава 1. Прибор

В Звездном-9 зима наступала раньше, чем где-либо еще. Не потому, что он был севернее других мест — нет, он был вполне обычный по широте, — а потому, что здесь всегда дул ветер с поля, и поле это было совершенно пустым, и ветру на нем нечего было делать, кроме как разгоняться и бить в первые же стены, которые попадутся. Стены эти — пятиэтажки вдоль главной улицы, серые, как небо в ноябре, построенные еще тогда, когда никто не спрашивал, красиво ли это, а спрашивали только — быстро ли и достаточно ли.

Артем знал этот ветер наизусть. Знал, как он выл в щели оконной рамы в третьей комнате — именно в третьей, не во второй и не на кухне, — и как надо было подложить сложенную газету в нижний угол, чтобы стало тише. Знал, как скрипел по утрам тополь у подъезда, когда мороз крепче обычного. Знал, что фонарь во дворе качался всегда, зимой и летом, и его желтый свет на снегу был единственным живым, дышащим.

В тот декабрьский вечер было около одиннадцати. Артем сидел на подоконнике — ноги поджаты, спина к стеклу, от

стекла тянуло холодом сквозь свитер, — и смотрел на комнату.

Комната была небольшой. Стол, на котором лежали учебники за пятый класс, и тетрадь в клетку, наполовину испи-санная. Полка с книгами — снизу отцовские, сверху его, хотя граница давно размылась, и Артем иногда брал что-то от-цовское просто потому, что оно пахло иначе, чем-то еще, че-му у Артема не было названия, но что он безошибочно узна-вал. Лампа на столе горела. Тени от нее были короткими и теплыми.

На подоконнике рядом с Артемом лежал прибор.

Он был похож на то, что получится, если долго смотреть на старый радиоприемник и пытаться его улучшить, но по-том пойти совсем другим путем. Корпус деревянный — отец выбирал орех, говорил, что орех не рассыхается и держит форму. Три линзы разного диаметра были вставлены в ла-тунные оправы и расположены под углами, которые казались случайными, но на самом деле были вычислены — Артем видел чертеж, он лежал до сих пор в верхнем ящике отцов-ского стола, плотный лист миллиметровки, весь в карандаш-ных линиях и аккуратных цифрах с подписями. Внутри при-бора — медь, тонкая проволока, несколько деталей, которые Артем не умел называть, но умел держать пинцетом, пока отец их паял.

Они работали по вечерам. Отец выставлял на стол свою коробку с инструментами и раскладывал детали на газете.

Детали были разными: часть — купленная, часть — выточенная на заводском станке, Артем видел их еще до сборки, завернутыми в ветошь. Некоторые блестели — латунь, некоторые были матовыми, темными — медь. Каждая пахла по-своему: масло, металл, что-то горьковатое от паяльника.

— Зачем столько всего? — спросил Артем.

— Каждая деталь делает свое. Убери одну — и прибор станет другим. — Отец покрутил в пальцах латунную оправу. — Или перестанет работать вовсе.

— Что он будет делать, когда соберем?

— Слушать.

— Что слушать?

Отец положил оправу на стол. Посмотрел на Артема долго, как смотрят, когда ищут, с чего начать.

— Ты знаешь, что такое радиоволны?

— Немного.

— Все вокруг нас излучает волны. Земля, атмосфера, Солнце. Космос тоже. Все, что существует — говорит. По-своему, на своем языке, который мы еще плохо понимаем. Этот прибор умеет ловить некоторые частоты, которые обычные приемники не ловят. — Он взял следующую деталь. — Может быть, ты услышишь что-нибудь интересное.

— А может быть — нет?

— Может быть — нет. — Отец не улыбнулся, но что-то около глаз смягчилось. — Но это не значит, что не стоит слушать.

Они работали молча. Это была особая тишина — рабочая, теплая, в которой не нужно было ничего говорить, потому что говорили руки. Один раз отец сделал что-то не так — какая-то деталь встала неправильно, он разобрал ее и начал заново. Артем видел, что он сердится — не на деталь, на себя, но отец не сказал ни слова — аккуратно исправил и продолжил. Артем запомнил это: что правильно — это не обязательно с первого раза, и что переделать — это не поражение.

Когда прибор был собран, они оба смотрели на него. Он стоял в свете лампы, и линзы в латунных оправках блестели, и деревянный корпус казался живым от этого блеска.

— Он правда красивый, — выдохнул Артем.

Отец кивнул.

— Если настроить правильно, можно услышать космос.

— А что там слышно? — спросил Артем.

Отец помолчал несколько секунд.

— Разное, — наконец ответил он. — Звезды, например, Солнце, иногда — тишину. Хотя мне порой начинает казаться, что есть что-то или кто-то еще.

— Кто?

— Не знаю, кто, — отец усмехнулся, — но слушать важно. Может быть, именно ты однажды и поймешь.

Это было практически три года назад, на день рождения Артема. Ему исполнялось восемь. Подарки бывают двух видов: те, что покупали, и те, что делали. Те, что делали, всегда были угловатыми и тяжелыми, потому что в них вкладывали

больше, чем одно лишь желание порадовать. Таким подарком был и этот прибор.

Сейчас же Артем взял прибор в руки, включать его не стал.

Из кухни слышался голос матери. Она говорила тихо, почти шепотом, но Артем научился слышать не слова, а то, что под ними. Сейчас — тревога. Значит, мать говорила по телефону с кем-то из части. В последнее время это случалось чаще.

— Хорошо, — сказала мать. — Я понимаю. Спасибо.

Хорошо — это было слово, которым закрывали то, что не хорошо. Артем знал это уже давно.

Он смотрел в окно. Снег сыпал в темноте густыми, синеватыми хлопьями. Где-то там, далеко, выше фонаря, и выше туч, и выше всего — был отец. Он летел по орбите со скоростью двадцать восемь тысяч километров в час. Артем подсчитал однажды: за то время, пока он спит, отец облетал Землю целиком больше пяти раз.

Прибор в руках молчал.

Артем положил его обратно на подоконник, осторожно, будто это было что-то живое, и пошел спать.

Глава 2. Урок

На следующее утро Артем шел в школу мимо казарм и плаца. Плац был пуст — учения начинались позже, — только ветер гонял по асфальту поземку, и редкие прохожие торопились, нагнув головы. Звездный-9 был военным городком, и это чувствовалось во всем: в прямой планировке улиц, в одинаковых подъездах, в тишине, которая наступала после девяти вечера и длилась до подъема.

Артем любил такое утро. Не за что-то особенное, скорее за то, что снег был свежий, небо высоченное и глубокое, темное, и можно было идти не спеша, потому что до звонка оставалось еще пятнадцать минут. Он смотрел на длинные тени от фонарных столбов и думал о том, что тени эти, наверное, видны из космоса, если очень прищуриться. Ерунда, конечно. Но приятная ерунда.

В школе Артем учился без троек и без отличия. Учителя говорили: «способный, но рассеянный». И это было правдой — он часто засматривался в окно на плац, на дальние ангары, на небо, в котором изредка можно было увидеть пролетающую военную ракету или спутник.

В тот вторник на астрономии (астрономия была раз в две недели, вместо дополнительной математики) Светлана Павловна, молодая учительница с длинной косой и очками в тонкой оправе, заговорила о поиске внеземного разума.

— Проект SETI. — Она вывела на экран старую фотографию радиотелескопа в Аресибо. — Ученые уже полвека слушают космос в надежде услышать сигнал. Пока — тишина.

— А если услышат? — спросил Колька Суворов с задней парты. Он всегда спрашивал с вызовом, даже когда ему было просто интересно.

— Тогда это изменит все, — ответила Светлана Павловна. — Представьте: мы не одни. Это страшно и прекрасно одновременно.

Класс зашумел. Кто-то закричал «звездные войны», кто-то «пришельцы нас съедят», кто-то засмеялся. Артем сидел и изучал фотографию телескопа.

— Артем, — сказала учительница. — Ты как думаешь?

Он поднял голову. Весь класс смотрел на него. Колька ухмылялся.

— Я думаю, — Артем помедлил, — что если они есть, то они не хотят, чтобы их нашли. Или ждут, пока мы будем готовы.

— Философ, — хмыкнул Колька.

Светлана Павловна посмотрела на Артема с интересом.

— Интересная мысль, — сказала она. — Но пока это только гипотеза.

Артем хотел сказать: это не гипотеза, я знаю. Он хотел вынуть тетрадь, показать записи, рассказать про прибор, про отцовские чертежи, про то, что космос можно слушать даже дома. Но он промолчал. Потому что знал — не поверят. Или

поверят не так.

После урока Колька догнал его в коридоре.

— Сын космонавта! Твой там, наверное, инопланетянищет?

— Не твоё дело, — бросил Артем и пошел быстрее.

— А если найдет? — крикнул Колька вслед. — Расскажешь нам всем по секрету?

Артем не обернулся.

Дома он достал тетрадь и написал: «Сегодня в школе говорили про SETI. Я молчал. Потому что они не поймут. Пока».

Потом подумал и дописал: «А может быть, я сам еще не понял».

Прибор на подоконнике молчал. Артем подошел, потрогал деревянный корпус. Теплый. Всегда теплый.

— Ничего, — прошептал он. — Мы еще успеем.

Глава 3. Сеанс

Сеансы связи были по средам и субботам, в семь вечера по московскому. Это расписание не обсуждалось и не нарушалось, и Артем жил теперь по двум временам: обычному, школьному, в котором бывали уроки, и обеды, и домашние задания — и другому, в котором были только среда и суббота в семь.

В ту среду мать накрыла на стол заранее, хотя ужин давно закончился — просто переставила на скатерть вазу с яблоками, поправила ее, переставила обратно. Артем наблюдал за этим и молчал. Потом мать включила ноутбук, проверила соединение, поправила волосы перед экраном — и это тоже было движение, которое она, наверное, сама не замечала. Руки женщин, которые ждут, всегда что-нибудь поправляют.

В шесть пятьдесят восемь экран ожил.

Отец появился не сразу — сначала был серый прямоугольник, потом помехи, потом лицо, немного размытое из-за сжатия сигнала. Он сидел в коммуникационном модуле, за его плечом Артем видел часть панели с тумблерами и кривую стойку с планшетом, прикрепленным карабином к поручню. Отец был в темно-синем комбинезоне, короткие волосы торчали чуть вбок — в невесомости волосы вели себя иначе, и это каждый раз напоминало Артему, что отец там, где законы другие.

— Привет, — сказал отец. Голос был с легкой хрипотцой, от усталости и того, что на станции воздух суше, чем на Земле.

— Привет, — сказала мать. Она улыбнулась — нижней частью лица, глаза улыбнулись чуть позже и немного по-другому.

— Привет, пап, — сказал Артем.

Была секунда задержки. Сигнал шел через спутник, и в этой секунде умещались восемьсот километров туда и обратно, и каждое слово тянулось чуть дольше, чем должно. Артем давно привык к этой задержке. Она стала частью разговора — как пауза между строчками в стихотворении, в которой тоже что-то есть.

— Как дела у тебя? — спросил отец, и голос у него был таким, каким бывает голос у человека, который очень хочет спросить о чем-то одном, но спрашивает о другом, потому что не знает, как начать.

— Нормально, — ответил Артем. Потом подумал и добавил: — Снег выпал. Много.

— Снег, — повторил отец. — Хороший снег?

— Тяжелый. Такой, который лепится.

— Значит, тепло еще. — Отец помолчал. — Я помню, как мы с тобой лепили из такого снеговика. У гаражей.

— Мне было семь лет, — сказал Артем.

— Да, — сказал отец. — Четыре года назад. — Он направил взгляд куда-то в сторону, потом обратно на экран. — У

него все нос отваливался.

— Морковка была слишком тяжелая.

— Мы так и не нашли другой.

Лучший кусок разговора — эти несколько фраз про снеговика. Артем это почувствовал сразу, как чувствуют, когда огонь разгорается, а не только дымит. Но потом мать мягко взяла разговор в свои руки, потому что время шло, и надо было успеть рассказать про котел, который барахлил, и про соседку Валентину Михайловну, которая сломала руку, и про то, что яблоки в этом году особенно хорошие, кисло-сладкие, — и отец слушал, кивал, отвечал коротко и внимательно, как человек, который слушает не слова, а голос, и в голосе ищет главное.

— У вас как? — спросила мать под конец. Голос — ровный. Артем знал — в нем собрана в три коротких слова вся сила, на которую мать была способна.

Отец замялся — почти незаметно, но Артем уловил.

— Есть кое-что, — сказал он. — Пока не могу говорить подробно, но... есть кое-что. Сигнал. Необычный.

— Какой сигнал? — спросила мать.

— Мы сами не поняли пока. Может быть, помехи. Может быть... — он не договорил. Посмотрел куда-то в нижний правый угол экрана, как будто там было видно то, что он не мог назвать. — Ничего страшного. Но интересное.

— Интересное — это хорошо. — Голос матери стал чуть тише.

— Надеюсь, — сказал отец. И это «надеюсь» прозвучало не так, как обычно звучит это слово — скорее беспокойство, нечто такое, что носят в кармане и периодически проверяют, на месте ли.

Потом отец посмотрел прямо в камеру — значит, на Артема — и спросил:

— Прибор как? Работает?

Артем удивился. За семь месяцев отец ни разу не спрашивал про прибор.

— Работает, — сказал он. — Я иногда включаю.

— И что?

Артем подумал. Хотел сказать: шум. Хотел сказать: ничего особенного. Но что-то его остановило — не ложь, а скорее нежелание говорить о чем-то, что еще не оформилось в слова.

— Слушаю, — ответил он наконец.

Отец смотрел на него дольше обычного.

— Хорошо, — сказал он. — Продолжай слушать.

Потом сигнал стал хуже, изображение разбилось на квадраты, и они попрощались — быстро, немного скомкано, как всегда в конце сеансов, точно слова кончались именно в тот момент, когда их нужно было больше всего. Экран потух, и комната сразу стала меньше, словно погасили большой свет, и осталась только настольная лампа.

Мать посидела перед темным ноутбуком молча, не двигаясь. Потом закрыла крышку и пошла на кухню. Через мину-

ту Артем услышал воду — она мыла посуду, которая была уже помыта.

Он взял прибор с подоконника и лег на кровать, держа его на груди. За окном ветер нашел свою щель и тихо выл в ней.

«Продолжай слушать», — сказал он про себя слова отца. Он щелкнул тумблером — просто чтобы убедиться, что прибор жив. Шум. Белый, ровный. Артем уже хотел выключить, но на секунду, на долю секунды, ему показалось, что в шуме что-то изменилось. Как будто кто-то прислушался. А потом шум вернулся к обычному.

«Опять показалось», — подумал Артем и выключил прибор. Он еще долго лежал и думал об этом, не закрывая глаз, пока комната окончательно не растворилась в темноте.

Ему снился случай, который произошел три года назад, ранней осенью, когда листья только начали желтеть по краям и еще не решили окончательно падать.

Отец приехал на выходные — тогда еще он бывал дома чаще, и Артем не успел привыкнуть считать его отсутствие нормой. Он привез из командировки старый кассетный магнитофон — тяжелый, в черном корпусе, с кнопками, которые нажимались с усилием и щелкали. Поставил на стол в комнате и сказал: «Не работает, починим».

Артем тогда не понимал, зачем чинить кассетный магнитофон, когда есть телефон, в котором музыка всех времен. Но отец смотрел на магнитофон так, как смотрят на что-то,

имеющее значение само по себе, вне зависимости от пользы. И Артем промолчал.

Они сидели за столом вдвоем. Отец разобрал крышку — четыре винта, плоская отвертка — и внутри оказался целый мир: катушки, пружины, резиновый пассик, который истерся и потому проскальзывал, маленький моторчик с контактами. Отец объяснял каждую деталь не торопясь, без педагогической интонации.

— Вот это — ведущий вал, — говорил он, показывая. — Он вращает ленту. Если пассик слабый — скорость плавает, и запись звучит неправильно. Понимаешь?

Артем кивал. Он понимал не все, но понимал главное: что каждая деталь здесь для чего-то, и, если одна не работает, все остальное теряет смысл. Это казалось ему справедливым устройством вещей.

Новый пассик нашелся в коробке с запчастями — отец держал такую коробку в шкафу, плоскую, жестяную, с делениями для мелких деталей, и Артем любил ее открывать и изучать содержимое.

— Держи, — сказал отец и дал Артему пинцет. — Придержи вот здесь, пока я надеваю.

Артем держал. Пинцет был холодный и немного скользкий. Он боялся выронить деталь и старался не двигаться.

— Не так крепко, — сказал отец спокойно. — Детали не любят, когда их сжимают. Держи мягко, но уверенно.

Артем попробовал мягко и уверенно. Это оказалось труд-

нее, чем крепко.

Потом они закрыли крышку, вставили кассету — старую, с наклейкой, написанной от руки синей пастой, — и нажали play. Магнитофон зашуршал, из динамика пошел звук: немного хриплый, но мягкий, с той неровностью, которая бывает только на кассетах. Какая-то песня, которую Артем не знал.

Отец слушал секунды три, потом сказал:

— Работает.

Он не улыбался. Просто произнес это слово — работает — и в нем было все: и удовлетворение, и что-то большее, что Артем тогда не мог назвать, а сейчас, три года спустя, сидя на подоконнике с прибором в руках, думал: наверное, это было счастье. Маленькое, точное, как деталь на нужном месте.

— Папа, — сказал он тогда. — А зачем ты его починил? Мы же все равно не слушаем кассеты.

Отец посмотрел на него. Подумал.

— Потому что он хотел работать, — сказал он. — Вещи, которые сделаны хорошо, хотят работать. Это несправедливо — мешать им.

Артем обдумывал это долго. Может быть, обдумывает это и до сих пор.

Глава 4. Ужин до отлета

За месяц до того апрельского утра, когда отец ушел на рассвете, был другой вечер.

Теплый, почти летний, хотя календарь упрямо показывал середину марта. Снег во дворе уже сошел, только в тени гаражей лежали серые, талые остатки, а воздух пах землей и тем, что бывает, когда зима окончательно сдается, и планета вспоминает, что умеет дышать полной грудью.

Отец был дома. Это случалось нечасто — между тренировками, медкомиссиями и предполетными сборами он приезжал на два-три дня, и эти дни всегда были праздником. Но Артем уже научился не показывать, как сильно он ждет.

В тот вечер мать накрыла стол. Не празднично — обычный ужин: суп, гречка с котлетами, компот. Но салфетки почему-то положила новые, с вышитыми цветами.

— Ты чего это? — спросил отец, заметив салфетки.

— А что, нельзя? — Мать пожала плечами, но уголки губ дрогнули.

Артем сидел и крутил в руках прибор. Не включал — просто привычно водил пальцем по латунным оправам, по теплomu дереву корпуса. Прибор был уже собран, но отец иногда что-то подпаивал, подкручивал, проверял контакты.

— Не крути, — сказал отец. — Разобьешь настройку.

— Я осторожно.

— Осторожно — это когда не крутишь.

Мать рассмеялась — коротко, по-доброму.

— Игорь, перестань на него так смотреть. Спугнешь.

— Кого спугнет? — не понял Артем.

— Тебя, — сказала мать. — Он на тебя смотрит как на прибор. Боится, что сломается.

Отец хотел возразить, но не нашелся. Помолчал, потом сказал:

— Не сломается. Крепкий.

Это было не про прибор.

Артем поднял глаза. Отец смотрел на него уже как-то иначе. Тяжело и тепло одновременно.

— Пап, — сказал Артем. — А тебе не страшно туда лететь?

Мать замерла с ложкой в руке.

Отец подумал. Долго.

— Страшно, — сказал он наконец. — Но не так, как не лететь.

— А как — не лететь?

— Скучно, — сказал отец. — И неправильно. Как будто ты нужен там, а сидишь здесь.

— А я тебе нужен здесь? — спросил Артем.

Комната потеряла звуки. За окном капнуло с крыши.

Отец встал, обошел стол, положил руку Артему на голову — неловко, как всегда, когда дело касалось нежности.

— Ты мне нужен везде, — сказал он. — И здесь, и там.

Поэтому я и вернусь.

Мать вышла на кухню — поставила чайник, хотя чай еще не допили. Артем слышал, как она гремит кружками, и понял, что она плачет. Тихо, чтобы не знали.

Он не сказал ни слова. Только взял отцовскую руку со своей головы и сжал.

Отец не убрал.

Так они и сидели — рядом, молча, — пока чайник не закипел, и мать не вернулась с новым чаем.

Глава 5. Первый сигнал

Первый раз прибор заговорил в субботу, в начале января, когда на улице стоял такой мороз, что дыхание застывало в воздухе маленькими облачками и тут же опадало. Артем крутил его в руках. Большой палец по привычке нашел латунный тумблер на боку корпуса и щелкнул им.

Сначала был шум. Обычный радиошум — белый, ровный, как далекий прибой. Артем слышал его раньше тысячу раз и всегда выключал, потому что шум был просто шумом, не больше.

Но в ту ночь в шуме было что-то еще.

Это трудно описать словами — любыми словами. Это было не звуком и не тишиной, а чем-то между, как бывает иногда в полусне, когда граница между тем, что слышишь, и тем, что чувствуешь, размывается и становится одним. Внутри шума жило что-то ритмичное — не мелодия, не код, а скорее пульс. Как дыхание очень большого и очень спокойного существа.

Артем поднес прибор ближе к уху. Пульс не прекращался.

Потом — на секунду, может быть, меньше — Артем почувствовал что-то похожее на температуру без тепла и холода. И вместе с этим — ощущение, что кто-то смотрит, не враждебно — но его заметили.

Он лежал в темноте. Из-за стены едва слышалось дыхание

матери — она спала. За окном ветер тихо работал со снегом. Фонарь качался.

Артем не испугался. Это было самым странным — он ждал страха и не нашел его. Вместо страха пришло узнавание. Как будто он уже знал этот пульс, однако забыл. Как будто прибор не нашел что-то новое, а напомнил о том, что всегда было внутри.

На следующий день он попробовал снова — днем, при свете. Прибор молчал. Только шум, ровный и пустой. Артем настраивал, крутил, щелкал тумблерами — ничего. К вечеру он уже начал сомневаться: а было ли? Может быть, заснул и приснилось?

Он достал из-под кровати тетрадь в клетку — не школьную, другую, новую — и написал на первой странице дату и одно слово: «слышал».

Потом ниже: «Повторить пока не получилось».

Закрыв тетрадь и спрятав обратно под кровать. Решил слушать каждую ночь. И ждать.

Через три дня после того, как Артем впервые услышал пульс, Колька Суворов догнал его после школы около гаражей, где они иногда играли в футбол летом.

— Слышь, — сказал Колька. Он был выше Артема на полголовы и шире в плечах, но сейчас не выглядел агрессивным. Скорее неловким. — Ты тогда на уроке... ну, про космос. Ты серьезно?

— Что — серьезно?

— Ну, что они ждут.

Артем остановился. Посмотрел на Кольку. Тот ковырял носком ботинка снег.

— А тебе какая разница? — спросил Артем.

Колька пожал плечами.

— Мой отец тоже был военным. Летчиком. — Пауза. — Он разбился три года назад.

Артем молчал.

— Я тогда подумал, — продолжал Колька, не поднимая головы, — может, он там, в небе, с кем-то встретился? Глупость, да?

— Не знаю, — сказал Артем. — Может быть, не глупость.

Они постояли молча. Ветер гонял поземку по едва проглядывавшему асфальту.

— А ты не боишься, — спросил вдруг Колька, — что твой не вернется?

Артем почувствовал, как внутри что-то сжалось — туго, до короткого воздуха, как пружина.

— Вернется, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— Знаю.

Колька посмотрел на него. Первый раз без ухмылки.

— Ладно, — сказал он. — Пока.

И ушел, засунув руки в карманы.

Артем смотрел ему вслед. Потом достал из рюкзака тет-

радъ и написал: «Колька спросил, боюсь ли я. Я не ответил. Потому что бояться — это не то слово».

Дома он долго сидел с прибором и смотрел в окно. Где-то высоко, за облаками, летел отец.

«Вернешься же», — подумал Артем. Не спросил. Утвердил.

Прибор молчал. Но Артему показалось, что дерево корпуса чуть нагрелось.

Глава 6. Звезды

Когда Артему было девять, они с отцом вышли ночью во двор смотреть на метеорный поток.

Это случилось в августе, и ночь была теплой — редкость для Звездного-9, где даже летние ночи умели быть прохладными. Отец вынес из квартиры два стула, поставил их посреди двора, подальше от фонаря, и они сидели рядом и смотрели вверх. Артем не выспался и клевал носом, но не признавался в этом, потому что не хотел, чтобы это кончалось.

Метеоры летели короткими росчерками — раз в несколько минут, иногда чаще. Каждый раз Артем видел его немного раньше или немного позже отца, и они говорили «вон» почти одновременно, и это было смешно, и оба смеялись.

Между метеорами отец рассказывал.

— Видишь вот эту группу? — Он показывал рукой. — Это Персей. Метеоры летят как будто оттуда, из этой точки. Называется радиант.

— Они оттуда прилетают?

— Нет. Просто так кажется из-за перспективы. На самом деле они летят параллельно. Но когда смотришь — кажется, что из одного места.

Артем думал об этом. Параллельные линии, которые кажутся сходящимися. Это звучало как что-то важное за пределами астрономии, но он не мог сформулировать — поче-

му.

— Пап, — сказал он. — А там кто-нибудь есть?

— Где — там?

— Вообще. В космосе. Кроме нас.

Отец долго молчал. Это было его особое молчание — не то, когда не знают, что сказать, а то, когда думают, как сказать правильно.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Никто не знает, — пауза. — Но космос очень большой. Было бы странно, если бы мы были одни.

— А ты хочешь, чтобы кто-то был?

Отец посмотрел на него. В темноте лицо отца казалось мягче обычного — темнота убирала ту сдержанность, которая днем всегда была как второй слой.

— Да, — сказал он просто. — Хочу. — И, помолчав, добавил: — Космос — это тишина, в которой все равно кто-то может быть. Главное — слушать.

Артем запомнил это дословно, хотя не понял зачем. Порой слова запоминаются раньше, чем становятся понятны — и ждут, пока не придет момент, когда они вдруг нужны.

Этот момент приходил теперь, каждую ночь, когда Артем ложился с прибором и ждал. Иногда пульс возвращался — слабо, как будто издалека. Иногда не было ничего, и Артем злился на прибор, проверял контакты, перечитывал отцовские чертежи. Все было правильно. Просто сигнал не приходил.

В такие ночи он засыпал поздно, и снилось ему что-то тяжелое и смутное — не сон даже, а память о том, чего не было.

Глава 7. Татьяна

Мать узнала что-то в четверг.

Артем не знал — что именно. Он вернулся из школы и застал ее в прихожей. Она стояла в пальто, которое только что сняла, и держала его в руках — как будто забыла, зачем снимала. Просто стояла и смотрела в пол.

Артем разулся, повесил куртку. Прошел мимо.

Она подняла голову — с тем особенным взглядом, когда человек хочет что-то сказать, но в последний момент прячет слова обратно.

— Ужинать будешь? — спросила она.

— Да, — сказал Артем.

Она пошла на кухню. Пальто все-таки повесила — неуверенно, как будто прощалась с чем-то.

За обедом молчали. Это молчание давно стало частью дома — оно жило в трещинах между половицами, в тишине, которая наступала после девяти, в привычке обходиться без лишних слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.